

УДК 321.01+321.7+342.3+342.5

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Селихов Николай Васильевич,

канд. юрид. наук,

независимый исследователь,

e-mail: selihovnv@mail.ru,

г. Москва

В статье на концептуальном уровне актуализируются проблемы реализации конституционно заявленного принципа народовластия, анализируется сложившийся в России политико-правовой режим свободного политического представительства. Предложена формулировка национальной идеи, обеспечивающей единство многонационального российского народа и целостности его государства. Попутно указываются причины, препятствующие установлению режима народовластия в стране, смены научной и социальной парадигмы о правлении народа как коллективного правосубъекта.

Ключевые слова: государство, народ, народовластие, социальное единство, национальная идея

DEMOCRACY AS A FOUNDATION OF SOCIAL UNITY OF RUSSIAN STATE

Selikhov N.V.,

candidate of legal sciences,

independent researcher,

e-mail: selihovnv@mail.ru,

Moscow

In the article, the problems of implementation of constitutionally declared principle of democracy are actualized conceptually. The established in Russia political and law regime of free political representation is analyzed. The wording of national idea providing the unity of multi-national Russian people and state integrity is proposed. On the side, there are specified the reasons which obstruct the establishment of the regime of democracy in state and the shift of scientific and social paradigm of rule of the people as a collective subject of law.

Keywords: state, people, democracy, social unity, national idea

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-48-54

Близится первый юбилей новейшего российского государства. Научному сообществу пора подвести итоги начального этапа его строительства. Ориентиром оценки достижений и определённых неудач в этой области должны стать институциональные идеи, заложенные в Конституции России. Именно они призваны сформировать социальный облик нашей государственности, определить вектор развития её социально-правовых институтов, характер и функциональное значение складывающегося механизма взаимодействия гражданского общества и органов публичной власти (политико-правового механизма).

В этой связи первостепенная задача юридической науки кроется в объективном сравнении представлений о желанном конституционном образе нашего государства и реалиях его воплощения. Сопоставляя *должное* и *сущее*, мы осознаём глубину и причины проблем, тормозящих реализацию задумок российского народа в обновлении государства, начавшегося в 1993 году.

Начнём с главной из них – поиска *национальной идеи*. На каждом этапе своего существования Россия неизменно сталкивалась с этой загадкой, видные государственные мужи и пытливые умы отечественной науки годами ломали голову над её разрешением. Она обрамлялась то в метафизические формулировки «Москва – третий Рим» и «окно в Европу», то в стремление к светлому коммунистическому будущему или, наоборот, к освобождению от социалистической идеологии и построению человекоцен-

тричного государства, опирающегося на политический плюрализм и свободу экономики. Идеям этим несть числа, их роднит облик политического миража. Ни одна из них никогда не была реализована до конца, ибо не охватывала массового сознания граждан целиком до состояния всеобщей убеждённости. Только князю Владимиру в X веке удалось сформулировать и реализовать актуальную своему времени национальную идею единства славянских народов. Последние, сплотившись, получили государственность, существующую поныне. Достоинство сего случая в том, что князю удалось найти не только саму точку совпадения интересов славян – *стремление к единству*, но и подобрать нужный *инструмент* его достижения – христианство.

Стремление к единству у народов России и сегодня вызывает всё тот же непроходящий интерес. Его можно называть объективным социальным законом, упорядочивающим нашу государственность. У других культур системообразующий закон иной. Инструментом коллективной идентификации в них часто выступает этническая гомогенность. Так Западный мир живёт по правилу разобщения народов, тяготеющих к мононациональному государству. Они способны поработать друг друга, но не сливаться в единую нацию. Союзы между ними сложно называть вековыми, при первой возможности они распадаются. Современная история переполнена примерами раскола государств по этническому признаку. К концу прошлого века Восточная Европа буквально «раздробилась», а Западная по сей день испытывается на прочность перманентными референдумами о независимости. Настоящий «плавильный котел» сложился лишь в России, тогда как его несравнимый аналог – США – образован разнородными эмигрантами на землях практически уничтоженного коренного населения. Европейский союз более удерживается силой политического представительства, чем желанием входящих в него народов.

Идея единства – базовая ценность российского народа. Опорой своей реализации в разное время она видела христианство, самодержавие, советскую власть. Ныне также нуждается в новом социальном инструменте реализации. Его не нужно искать в философских учениях, заимствовать у других народов или культивировать методами социальной инженерии в научных лабораториях. Он сформулирован, заключён в конституционно-правовую оболочку и официально представлен гражданскому обществу. Это – *народовластие*.

Итак, *национальная идея* современной России заключается в *достижении и сохранении единства её многонационального народа посредством народовластия*.

Удалось нам реализовать её в постсоветское время? Нет.

Мы избавились от партийно-идеологической основы государства и сохранили его в момент распада СССР. Наш народ способности к самоопределению и самоорганизации не утратил, но сложившаяся политико-правовая система условий для торжества национальной идеи так и не обеспечила. Проявления того в следующем.

Во-первых, коммунистическая партийно-политическая идеология сменилась идеологией либерально-демократической. Неизбежные тенденции историцизма К. Маркса [12, с. 52–54] в российской действительности подтверждения не нашли. Советский народ, единённый интернационализмом и идеей существования вне рамок государства и права, остался эмпирически несовершенной и идеализированной категорией. Привнесённая в период реформации либеральная демократия западного образца переформатировала его настолько, что наше государство впало в другую крайность. Активная социальная инженерия начала 90-х годов XX века у нас завершилась глубоким экономическим спадом, установлением режима правления свободного политического представительства¹, крайними формами политического и экономического расслоения гражданского общества.

Во-вторых, наблюдается чёткая тенденция последовательного ограничения самоуправления народа через императивное перераспределение полномочий органов власти на местах [14, с. 95–106], что прямо указывает на смену конституционных основ нашего государства. Она обозначилась в общей канве так и нерешённой проблемы реализации коллективной воли самоопределяющегося народа, избравшей иной способ социального управления – *народовластие*. В Конституции России для него

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2012 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 12 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» (пункт 3.1) // СЗ РФ. – 2012. – № 11. – 12 марта. – Ст. 1365.

помимо выборов предусмотрена и другая правовая форма выражения – референдум, которая с 1993 года на федеральном уровне для принятия важнейших законотворческих и управленческих решений *ни разу* не использовалась. Возникла устойчивая диспозиция, в которой мнение российского народа политическое представительство не интересуется. Вопреки желанию большинства граждан растут налоговое бремя и содержание представительного аппарата, бюджетные средства осваиваются в интересах крупных финансовых и промышленных корпораций, у населения возникают дополнительные публичные обязательства, рождённые повышением пенсионного возраста, коммунальных тарифов, введением обязательного страхования, сборов, отменой социальных льгот и прочего.

В-третьих, закон в руках политического представительства превратился в формальное средство принуждения («неправовой» закон [11, с. 52–54]), но не инструмент регулирования важнейших социальных связей на основе мнения большинства. В результате государство в лице своих органов превратилось в «машину» для подавления. Заурегулированность общественных связей достигла небывалого уровня, а эффективность работы законотворцев теперь определяется не улучшением уровня жизни сограждан, а числом принятых нормативных актов, инициированных конкретными депутатскими фракциями. Чтобы удостовериться в этом, достаточно ознакомиться с данными официальных сайтов Государственной Думы РФ, представительных органов субъектов и местного самоуправления. По сравнению с советским периодом число принимаемых ими актов увеличилось в разы, а их качество и целесообразность введения зачастую вызывает множество вопросов. Правотворческая эклектика зарубежного опыта просто зашкаливает, превращая представительные органы в «законодательные фабрики».

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что политический режим народовластия в России к настоящему времени так и не сложился. На практике его заместило правление свободного политического представительства, действующее от имени народа, но часто не в его интересах. Остаётся гадать, как долго продлится такое положение. Народные волнения 2011–2013 и 2018 годов показали крайнее несовершенство политико-правового механизма, утрату доверия массы граждан к политическим избранникам и сложившейся системе публичного управления.

Сохранить народное единство в таких условиях крайне сложно. К тому известны два пути. Первый идёт через стремление к этнической чистоте народов (западная политическая традиция), второй заключается в поиске социального инструмента их сосуществования в рамках многонациональной общности (российская политическая традиция). Искусственно привитые к ним мультикультурализм и интернационализм истинными скрепами гражданского общества не стали, в результате чего смешение взаимно не тяготеющих друг к другу народов только принесло им внутреннее социальное напряжение.

Возможна ли реализация национальной идеи в России в контексте приведённой выше формулировки? Да, но это потребует осознания препятствующих тому причин.

Первая причина (онтологическая): неверное представление сущности самого государства и народовластия – инструмента его публичного управления.

По сей день в отечественной науке бытует позитивистский образ государства, начертанный немецкой классической юриспруденцией на рубеже XIX–XX столетий. Таковое схематично представляется синтетической совокупностью территории, народа и государственной власти [4, с. 286–316], определяющей правила общежития гражданского общества. Нелепость данной конструкции, объединившей в себе разнопорядковые элементы, не смущает многих лишь благодаря сложившемуся обыновению: обществом управляет система публичных органов, а если проще, то чиновники руководят гражданами. Не имеет значения, приобретают ли управляющие свою власть по рождению, принадлежности к определённому сословию или через выборы, они считаются единственным руководящим началом, упорядочивающим социальные отношения. В итоге государство примитивно воспринимается системой публичных органов и лиц, наделённых публичной властью с функцией управления общественными делами [1, с. 403].

Никто особо не хочет замечать в том грубой логической ошибки восприятия части в качестве целого [8, с. 62], не пытается выделить методом исключения основной элемент государства. В результате в общественном, да и в научном сознании оно отрывается от народа, начинает императивно довлеть над ним. Это приводит к их противопоставлению [16, с. 37], а в реальной жизни – к противостоянию между правящим меньшинством и управляемым большинством. Говорить об их стремлении к единству

не приходится, скорее мы наблюдаем социальный антагонизм. Вспоминается библейская истина о том, что ничто, разделённое само в себе, устоять не может. В равной мере это относится и к государству.

По этой причине под *государством* правильнее понимать *высшую публично-правовую форму организации гражданского общества, обеспечивающую внутреннее социальное единение граждан по поводу установления общего публичного порядка в регулировании общественных отношений на основе права, посредством особого государственного механизма и через выполнение им функции публичной власти*. Территория выступает лишь пространственным условием его существования [8, с. 21].

Похожая проблема наблюдается и в понимании сущности народовластия. Достаточно упомянуть укоренившиеся в науке термины «непосредственная демократия», «представительная демократия», «делиберативная демократия», «демократия участия», «консоциативная демократия» и прочее, чтобы понять, насколько различные, а иногда и противоречивые смыслы, вкладываются в представления о его сути. В идеале все приведённые понятия должны характеризовать народовластие как политико-правовой режим правления народа, но при более глубоком изучении они формируют разнящиеся представления о способах и средствах его осуществления. Он видится то в непосредственном самоуправлении граждан (вне позитивного права и государственного механизма), то в правлении избираемых народом представительных органов [9, с. 63, 109; 10, с. 83–84, 104–105; 15, с. 87], то в процедуре коммуникативного формирования легитимной власти [17, с. 33, 47–48, 50], иногда процессом переговоров и достижения компромиссов в обществе [6, с. 164] и ещё много чем. Невозможно понять, должен ли народ коллективно самоуправляться или управляться извне. Впору говорить о необходимости разведения понятий «народовластие» и «демократия», ведь последняя настолько многолика, что утрачивается их родственное основание. Сегодня под демократией точнее понимать коллективный выбор способа социального управления. Ныне таковым может выступать как представительное правление (политическое представительство) вплоть до конституционной монархии, так и народное самоуправление. Большинство государств управляется парламентами и президентами, современный форпост демократии – Великобритания – формальным тандемом представительного органа и королевы, а в Швейцарии распространено широкое самоуправление населения кантонов. Свести столь разные системы и способы социального управления к народовластию логически невозможно.

Очевидно, что именно правящий правосубъект и способ социального управления выступают системообразующими элементами народовластия. Ни политическое представительство, а народ (коллективный правосубъект) конституционно наделён высшими правящими полномочиями. Их переход к политическому представительству означает подмену правящего правосубъекта, узурпацию власти и изменение формы правления. Будет ли это называться выборной аристократией (полиархией), олигархией, тиранией и т.п., особого значения не имеет. Народ невозможно отождествить ни с одним субъектом политического представительства, ведь по своей природе он представляется *социальной общностью* – упорядоченной на основе единых организационных начал (межличностных аксиологических установок) коллективности индивидов-граждан. Само же *гражданство* выражается в принадлежности человека к конкретному политико-правовому сообществу людей, пребывающему в форме государства, характеризующему устойчивой публично-правовой связью.

Публичный способ социального управления в режиме народовластия также не может избираться произвольно, ибо он предопределён статусом правящего правосубъекта. Таковыми могут считаться непосредственное (прямое) *самоуправление* народа и обязательная *публичная легитимация* им наиболее значимых законотворческих и управленческих решений. Выбор способа в конкретном случае определяется кругом вопросов, подлежащих разрешению. Похожий механизм содержится в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ, устанавливающим пределы полномочий местного самоуправления рамками компетенции.

Отсюда, *народовластие* – политико-правовой режим, коллективно устанавливаемый народом в процессе своей государственной самоорганизации и самоопределения для решения общих дел через формирование межличностных аксиологических установок, выбор публичного способа социального управления и его реализацию.

Вторая причина (гносеологическая): нерешённость наукой проблемы обоснования коллективной правосубъектности социальных общностей, в т. ч. народа.

Попытки раскрыть их истинную роль в государстве посредством механического подход (восприятия общности через категорию «совокупность»), конструкций юридического лица или органа [4, с. 537; 2, с. 50–51, 169, 177] убедительных результатов не принесли. Народ превратился в совокупность граждан, за которой признана лишь «общественная компетенция»² (неюридические права). Политическое представительство стало его официальным юридическим «лицом».

Такое восприятие народа «недееспособным» [3, с. 39] делает бессмысленной конституционную идею о суверенитете народа. К чему нормативно провозглашать то, что изначально недостижимо? Выдуманный когда-то миф о неспособности народа [9, с. 7; 13, с. 271, 272] самостоятельно решать собственные дела стал жизненной основой существования и процветания свободного политического представительства.

Для исправления очевидного перекоса Л.С. Мамут справедливо предложил современной науке такую аксиому (методологический императив): *познание общих проблем государственности невозможно без исследования народа и его политико-юридического менталитета* [8, с. 7].

В этой связи назрело обновление научной парадигмы через корректировку официальной доктрины, разработку новой теории и формулировку вытекающей из них догмы. Если говорить предметнее, науке нужно оставить бесплодные попытки исторических перелицовок либерально-демократических и социалистических учений применительно к современным российским условиям. Согласно национальной идее, её целью должна стать народно-демократическая доктрина (*доктрина народовластия*), которая институты политического представительства видит скорее вспомогательным, но подконтрольным народу инструментом, необходимым для формирования и изъяснения его правящей воли. При таком политическом режиме государственный аппарат утрачивает формальный приоритет над мнением народа, который не только обретает способность самоуправляться в определённых сферах, но и одобряет или отклоняет наиболее важные законодательные и управленческие решения своих представителей, способен предложить их инициативно в коллективном порядке.

Понятно, что ни одна либерально-демократическая или социалистическая теория предлагаемую новеллу не удовлетворяет. Её разворот под силу лишь существенно обновлённому обобщению знаний о народовластии, опирающемуся на признание государства формой публично-правового единения его граждан и коллективной правосубъектности народа.

Новая теория народовластия не должна стать памятником личным воззрениям конкретного исследователя, но вытекать из «прозы живых правоотношений» (мысль А.Н. Кокотова из приватной переписки). Народ скорее следует опыту своего «огосударствлённого» существования, чем частным философским установкам. «Прокрустово ложе» синтетических теорий просто неспособно охватить многообразия реальных форм публично-правового общения социальных субъектов, поэтому всегда выступает к ним «закрытой» системой знаний. Принципиальные изменения общественного уклада вводят их в режим «приспособления» или отправляют в научные архивы.

Функцию «открытой» системы теоретических знаний в этой области способна выполнять *теория народного государства*, смысл которой заключается в диалектическом развитии представлений гражданского общества о способе публичного управления общими делами. С её помощью в рамках типологического подхода [5, с. 4] мы, отталкиваясь от исторических фактов, начнём отчётливо понимать, что человечество, используя государство формой своего единения, постепенно переходило от патриархального единоличного правления к правлению политического представительства и теперь следует к народному самоуправлению. Науке нужно только своевременно подмечать такие изменения и прогнозировать их последствия. Она должна придерживаться правила: вырабатывать теорию, исходя из действительности, а не искажать последнюю, подменяя её теоретическими представлениями [7, с. 46].

Третья причина (аксиологическая): отсутствие внятной системы социальных ценностей. Изменить политический строй без учёта данного фактора невозможно.

С ликвидацией российской монархии, а потом и социалистического уклада, прежние основания гражданского общества (христианство и полное социальное равенство) лишены первостепенного значения. Политический и духовно-нравственный плюрализм образовали ценностный вакуум. Полагаю,

² Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: курс лекций. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – 226 с. – С. 97.

что на этом поприще мы поторопились. Многоконфессиональность и социальная справедливость по-прежнему востребованы в народе. В таком виде совместно с идеей народовластия они способны обеспечить существование нашей государственности, обеспечить взаимное уважение пребывающих в ней национальных общностей.

Концептуально сопоставив должное и сущее применительно к проблеме дальнейшего российского государственного строительства, мы логически придём к следующим выводам.

1. Согласно принятой конституции, национальной идеей российского народа выступает его единение на основе народовластия, многоконфессиональности и социальной справедливости. Так пожелал народ.

2. Народовластие предполагает самоуправление социальных общностей и обязательную публичную легитимацию наиболее значимых законотворческих и управленческих решений, контроль деятельности политического представительства. Прямых запретов к реализации данных полномочий народа конституционный текст не содержит, его лишь нужно правильно трактовать, в т. ч. и на уровне конституционных законов.

3. Необходима смена научной и социальной парадигмы в понимании народовластия и путей его реализации.

Осознав это, мы поймём, что свободное политическое представительство в России должно уступить место народовластию, ибо последнее есть подлинная конституционная основа нашего государства, обеспечивающая единство пребывающего в нём гражданского общества на уровне всеобщей убеждённости. Только тогда можно будет говорить о реализации современной национальной идеи.

Автор считает, что в данной работе новыми являются следующие положения и результаты: формулировка конституционно закреплённой национальной идеи; интерпретации понятий «государство», «социальная общность», «гражданство», «народовластие»; положения о сути и назначении теории народного государства.

Список литературы

1. *Вольф Р.П.* О философии. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 414 с.
2. *Гессен В. М.* Общее учение о государстве. – СПб.: Типо-Литография И. Трофимова, 1912. – 190 с.
3. *Гурвич Г.С.* Народ, народный суверенитет и народное представительство в советской системе // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 38–47.
4. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб.: Изд. юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908. – 599 с.
5. *Кареев Н.И.* Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. – СПб., 1905. – 52 с.
6. *Козлихин И.Ю.* Избранные труды. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. – 538 с.
7. *Майданник К.Л.* Эрнесто Гевара и его эпоха // Свободная мысль. – 1998. – № 7. – С. 38–50.
8. *Мамут Л.С.* Народ в правовом государстве. – М.: Норма, 1999. – 160 с.
9. *Милль Дж. С.* Размышления о представительном правлении. – СПб.: Тип. Ю.А. Бакрама, 1863. – 361 с.
10. *Мэдисон Дж.* Федералист № 10. К народу штата Нью-Йорк. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1993. – 586 с.
11. *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 6–8.
12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. – М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 446 с.
13. *Рейснер М.А.* Государство. Ч. 2. Государство и общество. Ч. 3. Государственные формы. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. – 292 с.
14. *Селихова О.Г.* Проблемы императивного перераспределения полномочий местного самоуправления в России // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5. – С. 95–106.
15. *Скуратов Ю.И.* Система социалистического самоуправления советского народа: проблемы конституционной теории и практики. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987. – 352 с.
16. *Черепанов В.А.* О народовластии в России: продолжение дискуссии // Государство и право. – 2014. – № 1. – С. 36–44.

17. *Хабермс Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Изд. центр “ACADEMIA”, 1995. – 244 с.

References

1. *Vol'f R.P.* O filosofii. – М.: Aspekt Press, 1996. – 414 s.
2. *Gessen V.M.* Obshchee uchenie o gosudarstve. – SPb.: Tipo-Litografiya I. Trofimova, 1912. – 190 s.
3. *Gurvich G.S.* Narod, narodnyj suverenitet i narodnoe predstavi-tel'stvo v sovetskoj sisteme // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1958. – № 12. – S. 38–47.
4. *Ellinek G.* Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb.: Izd. yuridiche-skogo knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1908. – 599 s.
5. *Kareev N.I.* Tipologicheskaya i vseмирno-istoricheskaya tochki zre-niya v izuchenii istorii. – SPb.: 1905. – 52 s.
6. *Kozlihin I.YU.* Izbrannye trudy. – SPb.: Yuridicheskij centr-Press, 2012. – 538 s.
7. *Majdannik K.L.* Ernesto Gevara i ego epoha // Svobodnaya mysl'. – 1998. – № 7. – S. 38–50.
8. *Mamut L.S.* Narod v pravovom gosudarstve. – М.: Norma, 1999. – 160 s.
9. *Mill' Dzh.S.* Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii. – SPb.: Tip. YU.A. Bakrama, 1863. – 361 s.
10. *Medison Dzh.* Federalist № 10. K narodu shtata N'yu-Jork. Fe-deralist: Politicheskie esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya. – М.: Izdatel'skaya gruppa “Progress” – “Litera”, 1993. – 586 s.
11. *Nersesyanc V.S.* Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kon-cepciya // Voprosy filosofii. – 2002. – № 3. – S. 6–8.
12. *Popper K.* Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1. Chary Platona. – М.: Mezhdunar. fond “Kul'turnaya iniciativa”, 1992. – 446 s.
13. *Rejsner M.A.* Gosudarstvo. Ch. 2. Gosudarstvo i obshchestvo. Ch. 3. Gosudarstvennye formy. – М.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1912. – 292 s.
14. *Selihova O.G.* Problemy imperativnogo pereraspredeleniya pol-nomochij mestnogo samoupravleniya v Rossii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2017. – № 5. – S. 95–106.
15. *Skuratov Yu.I.* Sistema socialisticheskogo samoupravleniya sovetskogo naroda: problemy konstitucionnoj teorii i praktiki. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1987. – 352 s.
16. *Cherepanov V.A.* O narodovlastii v Rossii: prodolzhenie diskus-sii // Gosudarstvo i pravo. – 2014. – № 1. – S. 36–44.
17. *Haberms Yu.* Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. – М.: Изд. центр “ACADEMIA”, 1995. – 244 с.